

Цѣна 10 к.

DK 262

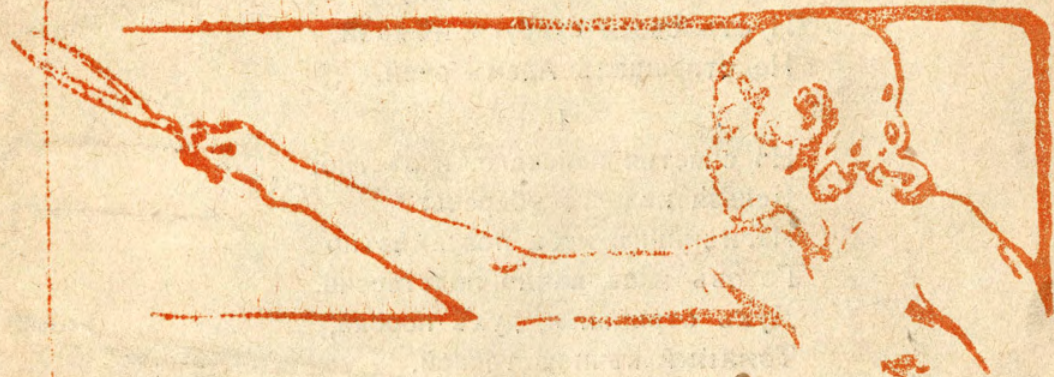
.R9

Ran 1st room

МАЛЕНЬКІЙ ЖУРНАЛ

а. д.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ.

Грѣхопаденіе.

I.

Въ раю Адамъ ужъ цѣлый годъ
Съ супругой прожилъ безъ заботъ.
Господь, счастливцевъ не карая,
Оберегалъ святыню рая:
Они не знаютъ никогда
Ни мукъ порочныхъ искушеній,
Ни слезъ, ни горя, ни лишеній,
Ни одѣяній, ни стыда.
Тамъ—надъ ручьемъ, гдѣ зелень гуще,
Они живутъ подъ райской кущей.

Небесъ эмалевый шатеръ
 Надъ ними ласково простеръ
 Свои лазурные покровы.
 Всѣ наслажденья жизни новы
 Прекраснымъ первенцамъ земли.
 Имъ дни грядущіе несли
 Всѣ тѣ же райскія утѣхи;
 У нихъ былъ лакомый кусокъ:
 Бананы, финики, орѣхи
 И винограда свѣжій сокъ.
 Имъ сонъ сулила безмятежный
 Завѣса шелковыхъ ночей;
 И отъ своей супруги нѣжной
 Не отвращалъ Адамъ очей.

II.

Но счастья райскаго, извѣстно,
 Нельзя надолго уберечь:
 Изгнанникъ неба повсемѣстно
 Готовъ насъ вѣчно подстеречь.
 Духъ отрицанья, духъ порока,
 Томимый вѣчною тоской,
 Всегда завидуетъ жестоко
 Невинной радости людской.

* * *

И вотъ онъ разъ, увидѣвъ Еву,
 Подползъ къ таинственному древу
 Лукавымъ змѣемъ. Легъ—и ну
 Смущать законную жену.
 „Ай, Ева, какъ тебѣ не стыдно!“—
 Той, значить, стало любопытно
 И, думая, что онъ шутя
 Къ ней обратился, какъ дитя,
 Подходить къ дереву наивно.
 Бѣсъ началъ дѣйствовать активно,

(ICU)

И вдругъ, прильнувши нѣжно къ ней,
Сказалъ: „Я отъ роду, ей, ей,
Не видывалъ подобной груди!
Но какъ еще, однако, люди,
Вы и наивны и просты...
Давай-ка, спрячемся въ кусты!
—А ей то что?— „Давай, пожалуй,
Да только ты не слишкомъ балуй,
Ты очень жестокъ“. — „Нѣтъ, не вретъ,
Знать не такая, неберетъ“, —
Подумалъ бѣсъ, — „начну иначе.
Хотя въ раю вы какъ на дачѣ,
Но все-жъ не стыдно-ль вамъ, что вы
Раздѣты съ ногъ до головы?!
Хотя одѣли бы листочки“.
Нѣтъ, ничего, — не вспыхнуть щечки.
Тутъ бѣсъ руками ужъ развелъ
И рѣчь рѣшительнѣй повелъ.

* * *

„Я научу тебя тревожить
И зажигать огонь въ крови,
Я знаю тайны, какъ умножить
И какъ продлить восторгъ любви.
И вмѣсто страсти примитивной,
Достойной развѣ лишь собакъ,
Иной любви и страсти дивной
Я научу тебя, да какъ!
Сорви, сорви лишь плодъ запретный
(Такъ распинался хитрый бѣсъ)
И обрѣтешь ты ключъ завѣтный
Къ познанию ада и небесъ.
Всѣ чары жгучаго кокетства,
Всѣ суррогаты красоты,
Какъ непочатое наслѣдство

Навѣки въ даръ пріемлешь ты.
 Я, юныхъ членовъ не жалѣя,
 Корсетомъ грудь твою сожму,
 И во сто разъ тогда милѣе
 Ты будешь мужу своему.
 Пойми, огонь безумной страсти
 Зажечь тогда лишь можетъ кровь,
 Когда на грудь, хотя отчасти,
 Одѣтъ таинственный покровъ“.

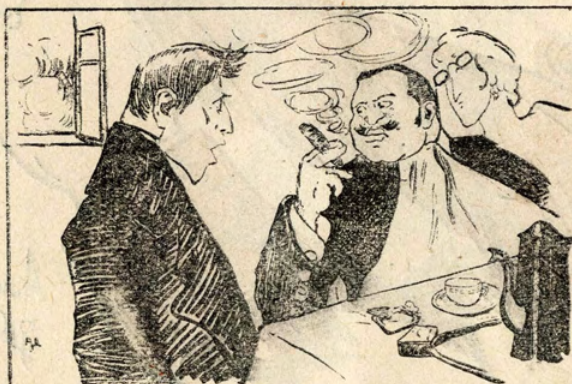
Anek
got. Pauso

* * *

Едва дыша, внимаетъ Ева
Словамъ волшебнаго напѣва.
А отъ плодовъ прекрасныхъ древа
Несется пьяный аромать.
Желанья новыя томятъ
Какимъ то радостнымъ угаромъ
(Злой бѣсъ усердствовалъ не даромъ).
Ужъ пышетъ грудь мятежнымъ жаромъ...
Что?—согрѣшить?—Нѣтъ, нѣтъ—бѣжать!..
Но ей отрадно здѣсь дрожать
И замирать въ истомѣ чудной,
И вотъ рукою безразсудной,
Зардѣвшись краскою стыда,
Она касается плода!
Прости ослушницу, Создатель!..

.....
И ты, не такъ-ли, мой читатель,
Живешь въ безоблачномъ раю,
Не зная тяжкихъ мукъ изгнанья,
Пока грѣховный чадъ познанья
Не вскружить голову твою!?

Сильфъ.

Аграрныя ночи.

(Изъ воспоминаній бывшаго депутата).

Признаться, я всегда испытывалъ мистическій ужасъ передъ словомъ „аграрность“, и когда жена моя, передъ отходомъ ко сну, говорила мнѣ:

— Поди умойся, аграрная твоя рожа!

я старательно мылилъ казанскимъ мыломъ и щеки, и бороду, и всѣ промежности, пытаюсь окончательно освободиться отъ аграрныхъ признаковъ.

Надо замѣтить, что казанское мыло не весьма успѣшно исполняло свои функции, и послѣ двухминутнаго спокойствія жена вдругъ срывалась съ постели съ негодующимъ возгласомъ:

— Пошелъ на кухню!.. Всю постель татарвой запакостилъ!

И я, представитель русскаго народа, будущій спаситель изстрадавшейся страны, не отступавшій доселѣ передъ министерскими указами и бюрократическими начинаніями, чувствовалъ себя безсильнымъ бороться съ буржуазными инстинктами [безпартійной супруги. И въ самомъ дѣлѣ, ея безпартійность чрезвычайно меня смущала, и я неоднократно указывалъ ей на все несоотвѣтствіе ея гражданской фізіономіи съ моимъ общественнымъ положеніемъ.

— Не забудь, — говорилъ я ей, — о тѣхъ скрижаляхъ исторіи, которыя будутъ прославлять мое имя — „Но она, скажутъ онѣ, волею бюрократическихъ устоевъ брака пребывавшая его супругою, тормазила грандіозныя стремленія борца за народную свободу и своими провокаторскими дѣйствіями (переписка съ его своякомъ Василиемъ Птицей, 17-го октября и ктиторомъ приходской церкви) лишала его необходимаго ночного отдохновенія!..

Супруга стремительно вскакивала съ мѣста при послѣднихъ моихъ словахъ, дважды плевалась и уйдя въ сосѣднюю комнату, усаживалась писать приглашительную записку къ супругъ акцизнаго надзирателя, завѣдомаго монархиста.

— Гдѣ ея политическое credo?—восклицалъ я съ негодованіемъ—что скажетъ Михайличенко и что по-думаетъ Штефанюкъ?!

Ничто не дѣйствовало, и я направлялся съ подушкой подъ мышкой на кухню, гдѣ принимался доказывать кухаркѣ Федосѣ преимущество націонализаціи земли передъ социализаціей.

— Согласитесь, дорогая,—говорилъ я ей, касаясь рукой ея подбородка,—что для проведенія въ жизнь программы-максимумъ у насъ не хватаетъ наличія общественно-политической структуры самосознанія.

Но ея индифферентное отношеніе къ такому животрепещущему вопросу момента окончательно расхолаживало мой ораторскій пафосъ, а ея упоминаніе о младшемъ дворникѣ Гаврилѣ, по всѣмъ признакамъ, членѣ русскаго союза, вызвало между нами крупныя партійныя несогласія, оканчивавшіяся обыкновенно моимъ перекочевываніемъ съ той же подушкой подъ мышкой въ корридоръ, гдѣ я начиналъ декламировать:—„Пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!“...

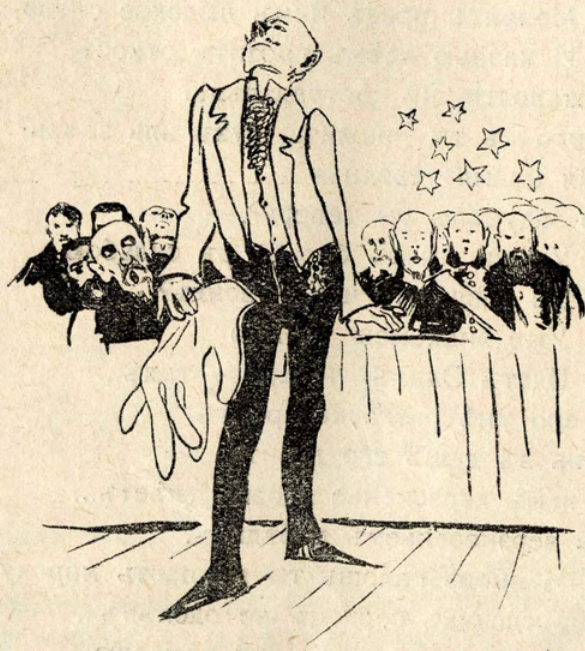
Но оскорбленное чувство не находило успокоенія даже въ корридорѣ: съ одной стороны меня угнетала мысль, какъ могу я, при обостренности партійныхъ разногласій, жить въ одной квартирѣ съ двумя женщинами, явно не сочувствующими принятой трудовой группой тактикѣ, съ другой стороны чрезвычайно беспокоили клопы, расплодившіеся въ безмѣрномъ количествѣ въ этомъ домѣ, сооруженномъ, видимо, еще во времена самага беззастѣнчиваго крѣпостничества.

„И какъ я могъ поселиться въ этомъ домѣ, — проносило въ моемъ разгоряченномъ мозгу: — „если я знаю, что его стѣны насквозь пропитаны мѣзмами бюрократическаго режима? Да и вся эта улица, весь этотъ городъ, взрощенный еще въ тѣ темныя времена, когда не думали ни о російскомъ парламентѣ, ни обменѣ!“

„Да и вся эта страна, зародившаяся еще во времена деспотизма и отсутствія всякой гражданственности“... — уже во снѣ беспокоила меня тревожная мысль.

Удивительно ли, что послѣ такихъ бурныхъ ночей, я на другой день безпрекословно голосовалъ за окончательное упраздненіе прогнившаго бюрократизма?..

Grilla.

СФИНКСЪ

(Изъ воскресшихъ мѣровъ).

Душитель-демонъ, сфинксъ лукавый,

Полужена и полулевъ,

Изъ нѣдръ, кипящихъ вѣчной лавой,

Пришелъ, неся къ намъ казнь и гнѣвъ.

Жилищемъ взявъ откосъ гранитный,

Куда немолчно бьетъ волна,

Ждетъ, словно сторожъ неумытый,

Ждетъ полулевъ—полужена.

Не отведешь ни на мгновенье

Своихъ загадочныхъ очей...

Въ нихъ все—и смерть, и упоенье,

И тайна, чуждая людей.

И нѣтъ отвѣта рокового

На сфинксомъ заданный вопросъ...

Молчитъ предъ нимъ людское слово,

И казнью всѣмъ грозитъ откосъ...

Ни жалости, ни состраданья!..

Но кто-жъ ты—нежить, духъ иль звѣрь?

Какія новыя терзанья

Еще задумалъ ты теперь?,—

Ужели мы въ борьбѣ съ судьбою

Не одолѣемъ чаръ твоихъ?

Уже знакомою тропою

Идетъ Эдипъ, побѣдно—тихъ...

Въ его умѣ разгадка зрѣтъ,

Огонь въ душѣ его горитъ;

Въ немъ дерзovenъe грозно тлѣтъ...

Онъ дерзovenъeмъ побѣдитъ.

И вновь падешь ты въ пасть морскую,

Людскихъ сердець не одолѣвъ...

Ты канешь въ бездну вѣковую,

Полужена и полулевъ!

Вумъ.

Болѣзнь шаха персидскаго.

Получилъ на дняхъ письмо я:
Пишутъ мнѣ изъ Тегерана,
Что проснулся въ это утро
Шахъ великій очень рано.

Вышли въ полдень бюллетени,
Приходилъ къ владыкѣ визирь,
Но великій шахъ не принялъ,
Онъ кричалъ: *Neu mihi miser!*

Призванъ былъ придворный ме-
дикъ,
Долго съ шахомъ совѣщался,
И въ концѣ концовъ въ постели
Шахъ лежать весь день остался.

Шахъ латыни не учился
И надежъ не тотъ поставилъ,
Но простить ему мы можемъ,
Что не зналъ онъ древнихъ пра-
вилъ.

Я по этому вопросу
Совѣщался съ Ходобаемъ,
Но мы лучше притворимся,
Что ошибки сей—не знаемъ.
Ну, такъ вотъ, какъ разъ въ то
утро

Шахъ проснулся очень рано:
Сны свѣтлѣйшіе разсѣялъ
Крикъ на стогнахъ Тегерана.
Поздно ночью третьеводни
Объявили населенью
Сверхурочнымъ манифестомъ,
Что, согласно повелѣнью
Падишаха, имъ бамбуковъ
Больше нюхать не придется

И что это снисхожденіе
Конституціей зовется.
Три дня персы ликовали,
Ликоваль и съ ними визирь,
А великій шахъ владыка
Все кричалъ: „Neu mihi miser!“
„—Это „tremens“, только „tremens“,
Да, delirium *) простое!—
Говорилъ ему лейбъ-медикъ.—
„Больше сна, чуть чуть покоя.
И залѣчится у шаха
Заразительная рана...“
Такъ писалъ мнѣ мой знакомый
Мѣщанинъ изъ Тегерана.

А. Леонидовъ.

*) Delirium tremens—бѣлая горячка.

Самая страшная исторія.

...О, ихъ любовь была сильна,
 Безъ пошлой лжи, безъ свѣтской фальши!
 Онъ былъ министромъ, а она
 Была красивой генеральшей.
 Ея красой замороженъ,
 Онъ позабылъ про циркуляры
 И все, что дѣлалъ,—дѣлалъ онъ
 Для милой Клары, милой Клары.
 Дабы не знать въ любви препонъ
 И быть однимъ у генеральши,
 Сумѣлъ ея супругу онъ
 Командировку дать подальше.
 Предъ генераломъ трепеталъ
 Всякъ, кто былъ дерзокъ и крамоленъ.
 И былъ доволенъ генераль—
 И былъ министръ весьма доволенъ...
 Сегодня, кончивши пріемъ
 И сдѣлавъ всѣ распоряженья,
 Онъ ѣдетъ къ ней... Она письмомъ
 Ему прислала приглашенье...
 Въ каретѣ парой, по торцамъ,
 Слегка качаясь на рессорахъ,
 Онъ ѣдетъ, преданный мечтамъ,
 О чудныхъ ручкахъ, пылкихъ взорахъ...
 Онъ предвкушаетъ ароматъ
 Ея духовъ, курия сигару,
 Онъ точно мальчикъ, счастливъ, радъ...
 И кучеръ гонить, гонить пару.

Но кто тамъ, страшный, на углу
 Стоитъ, прижавшись къ сѣрой стѣнкѣ?
 Министръ припалъ лицомъ къ стеклу...
 Дрожать, дрожать его колѣнки!..
 Ахъ, нѣтъ сомнѣнья! Смерть близка...
 Прощай навѣки Клара, Клара...
 Занесена уже рука
 Для безопаднаго удара.
 Министръ отпрянулъ въ уголокъ...
 Онъ видитъ смерть... Онъ видитъ музу...
 А тотъ въ карманъ засунулъ руку
 И вынулъ... носовой платокъ.

Андрей Леонидовъ.

